

Игнатий Потапенко

Два дня

Записки старого студента

Игнатий Потапенко

Два дня

«Public Domain»

1899

Потапенко И. Н.

Два дня / И. Н. Потапенко — «Public Domain», 1899 — (Записки старого студента)

«Удивительно быстро наступает вечер в конце зимы на одной из петербургских улиц. Только что был день, и вдруг стемнело. В тот день, с которого начинается мой рассказ – это было на первой неделе поста, – я совершенно спокойно сидел у своего маленького столика, что-то читал, пользуясь последним светом серого дня, и хотя то же самое было во все предыдущие дни, чрезвычайно удивился и даже озлился, когда вдруг увидел себя в полутьме зимних сумерек.».

Игнатий Николаевич Потапенко

Два дня

Очерк с натуры

Удивительно быстро наступает вечер в конце зимы на одной из петербургских улиц. Только что был день, и вдруг стемнело. В тот день, с которого начинается мой рассказ – это было на первой неделе поста, – я совершенно спокойно сидел у своего маленького столика, что-то читал, пользуясь последним светом серого дня, и хотя то же самое было во все предыдущие дни, чрезвычайно удивился и даже озлился, когда вдруг увидел себя в полутьме зимних сумерек. Дело в том, что в прежние вечера в подобных случаях я сейчас же зажигал свечу, и сумерки для меня не существовали. В этот же вечер, по тщательном исследовании, оказалось, что накануне сгорел не только последний огарок, но даже как будто подгорел медный подсвечник, покрытый зелёным слоем каких-то химических соединений, которые все может назвать и определить Каллистрат Иванович. Я очутился во мраке. Когда у меня нет дела, я имею привычку, заложив руки за спину, бродить из угла в угол. Но как только я принялся за это занятие, мне тут же стало ясно, что оно представляет множества неудобств и скорее похоже на самый тяжёлый труд, чем на отдых. Углы моей комнаты так близко отстояли один от другого, что не успевал я сделать двух шагов, как уже приходилось поворачивать назад. Кроме того, в комнате были кое-какие усложняющие обстоятельства, которые ещё более затрудняли мою прогулку.

Нельзя было пройти мимо высокого угловатого комода, украшенного тремя коробками, в которых некогда помещалось по четверти табаку в каждой, – чтоб не зацепить его. При этом инвалид-комод непременно хромал на одну ногу, так как у него исправных было только три, и всякий раз словно считал своим долгом наклониться, как будто прибавляя при том: «Pardon, monsieur». Вежливый комод оттого, впрочем, наклонялся с такою лёгкостью, что он был совершенно пуст и, как ненужная вещь, должен был заискивать у своих хозяев, чтоб его не вытащили вон. Большое препятствие представлял также единственный стул, который всякий раз нужно было переступать, потому что отодвинуть было некуда. Что же касается коротенькой железной кровати и кое-чего, носившего название дивана, которые стояли рядом, так что одна служила продолжением другого, они, по-видимому, благонамеренно занимали свои места и не предпринимали против меня никаких ухищрений.

Впотьмах, когда нет ни малейшего желания заснуть, в голову обыкновенно приходят целые вереницы мыслей. Разные бывают эти мысли, смотря по тому, на чьих плечах помещается голова. Всякому видится своё, особенное. Что же касается меня, то хотя я и не имел ни малейшей причины веселиться, в голову мою лезли самые весёлые мысли. Не подумайте, пожалуйста, что эти мысли были гражданского свойства, что я думал о судьбах моего отечества или что-нибудь в этом роде. Нет, я считал себя слишком маленькою дробью в общем великом числе, и просто-напросто думал и был уверен в том, что Каллистрат Иванович, возвратясь из клиники, принесёт с собою полфунта колбасы и столько же хлеба – вот причина моего весёлого настроения. Откуда проистекала моя уверенность, этого я не могу сказать. По крайней мере у меня было гораздо больше данных думать совершенно противное. Но дело в том, что мне этого ужасно хотелось, а легковёрные люди уверены именно в том, чего им хочется, я же, нужно вам сказать, человек легковёрный. Я знал, что у Каллистрата Ивановича денег нет и не будет, и тем не менее был уверен в том, что он принесёт колбасу. Дело в том, что мы с Каллистратом Ивановичем...

Но вы не знаете, кто это Каллистрат Иванович. Каллистрат Иванович был ни больше ни меньше как студент медико-хирургической академии. Большую часть дня проводил он в подвалах профессора Грубера, вследствие чего от него вечно несло «анатомией», как дели-

катно выражалась Марья Карловна, наша квартирная хозяйка. Вы понимаете, что «анатомия» здесь употреблена в смысле обыкновенной мертвечины, которой главный склад находится на Выборгской стороне. Нрава Каллистрат Иванович был кроткого и, как кроткие люди, после обеда любил пофилософствовать, что в последнее время, впрочем, делал очень редко, так как редко обедал. Он был замечателен тем, что, кроме двух воротничков и одной пары манжет, ничего своего не имел; это давало ему повод сокрушаться, что у него слово расходится с делом, «ибо говорил он, я собственность признаю, на деле же собственности не имею». Платье, сапоги и плед он носил чужие, хотя решительно не мог сказать, кому именно что принадлежало. Кроме упомянутых воротничков и манжет, у него была ещё пара бакенбард, совершенно белых, которые он считал своей неотъемлемой собственностью и ни за что не хотел сбрить их, дабы, по его словам, лишившись этой подвижности, окончательно не превратиться в пролетария.

Так вот, с этим-то Каллистратом Ивановичем мы, можно сказать, наполняли ту маленькую комнату, которую я только что описал. С ним поочерёдно сидели мы на нашем единственном стуле и поочерёдно прохаживались по комнате, так как во время прогулки одного из нас другой непременно должен был лежать в кровати.

После десятиминутной борьбы с препятствиями, я почувствовал сильную усталость и даже ощутил выступивший на лице пот. Мне оставалось лечь на кровать: если не считать уже достаточно насиженного стула, другого исхода не было. Я так и поступил. Не успел я почувствовать некоторую охоту ко сну, как послышался звонок, затем шипящие шаги Марьи Карловны, звук отпираемых дверей, наконец, в комнату вошёл Каллистрат Иванович. Я его, конечно, не разглядел впотьмах, но тем не менее с уверенностью мог сказать, что это был он. К людям, к которым мы привыкли, мы становимся крайне чутки, мы распознаём их по походке, в тишине по звуку дыхания и ещё мало ли по чему, а чаще всего распознаём бессознательно. Притом же неразлучный с Каллистратом Ивановичем запах «анатомии», хотя я и привык к нему, всё-таки был мне доступен. Словом – я почувствовал присутствие Каллистрата Ивановича, но своего присутствия не проявлял, желая посмотреть, что он предпримет во мраке. Пусть это похоже на ребячество, но я должен признаться, что это меня очень занимало. Прежде всего он зажёл спичку и увереннейшим образом поспешил к подсвечнику, но в ту же минуту был разочарован. Видя его недоумение и комическую досаду, я не выдержал и расхохотался.

– Послушай, неужели у нас нет свечи? – спросил он тоном такого удивления, как будто это совершенно небывалая и невозможная вещь.

Это рассмешило меня ещё больше.

– Что тут смешного, не понимаю! – злился Каллистрат Иванович. – Неужели мы будем сидеть впотьмах?

– Конечно, если по какому-нибудь торжественному случаю солнце не взойдёт прежде времени, – ответил я, продолжая смеяться.

– Чёрт знает, что такое! У меня завтра экзамен у Грубера... Я должен целую ночь заниматься! – угрюмо заявил Каллистрат Иванович, садясь у стола на диван. Минуты две мы помолчали.

– Экую я глупость сделал! – заговорил он опять, почёсывая голову. – Представь, брат, у меня было четырнадцать копеек. Иду, знаешь ли, вот здесь на углу Литейной и Захарьевской – газетчик соблазнил, купил газету за семь копеек. Теперь вот изволь читать её впотьмах. Лучше бы за те же деньги купить свечу.

– А остальные семь? – спросил я с таким интересом, как будто дело шло о тысячах.

– Да остальные целы, вот они!

При этом он торжественно выбросил на стол свои семь копеек.

– Да что в них толку! – жалобно прибавил он.

– Свечу можно купить.

– Конечно. Но знаешь ли, я сегодня кроме воздуха ничего ещё не принимал внутрь и, признаюсь, чувствую такой аппетит, что, кажется, съел бы всё.

– Так ты боишься, что не донесёшь свечу из лавки, съешь на дороге?

– Да не то! А знаешь ли, во мне происходит борьба. Свечу купить, или хлеба на семь копеек? Того я другого никак нельзя. А ведь ты тоже, должно быть, ничего не ел сегодня?

– То-то и есть, скажи ты мне, с чего это ты вздумал покупать газету? Кажется, можно было понять, что при таких обстоятельствах все эти культурные потребности следует к чёрту... А я был уверен, что ты принесёшь колбасы.

– Ну, брат, о колбасе ты мог бы отбросить всякие мечты, – решительно заговорил Каллистрат Иванович, – и что в ней хорошего? Одни трихины и больше ничего. Самое безопасное – это хлеб.

– Потому что самое доступное. Я думаю, что если б тебе сказали: вот колбаса, начинённая трихинами, ты проглотил бы и её.

– Знаешь, что я тебе скажу: не упоминай ты, ради Бога, о колбасе! Ну, как же быть с нашим капиталом?

Вопрос действительно представлялся серьёзным. Едва ли дипломат когда-либо находился, в таком затруднительном положении, как я в ту минуту. Я знал очень хорошо, что если Каллистрат Иванович не будет заниматься ночью, то завтра не выдержит экзамена. С другой стороны голод начинал не на шутку пронимать меня, чувствовалось действительно нечто вроде сжимания сердца, чему способствовало воспоминание о колбасе.

– И к чему было покупать газету! – озлился я наконец, не находя исхода.

– Да видишь ли, сегодня газеты должны быть интересны, судя по предшествовавшим событиям, – говорил Каллистрат Иванович, как бы оправдываясь передо мной, – притом же я совсем позабыл, что вчерашний огарок кончился, и рассчитывал на эти семь копеек купить хлеба.

– Вот что сделаем, – наконец, предложил я, – можно купить за три копейки сальную свечку, и на остальные четыре – фунт чёрного хлеба.

– Но это ужасно неловко! – возразил Каллистрат Иванович. – Представь, что входит в овощную лавку господин, одетый более или менее прилично, и спрашивает фунт чёрного хлеба и сальную свечу... Это ужасно неловко, я по крайней мере отказываюсь идти.

– Да это ты с чего конфузиться вздумал? – спросил было я, но тотчас же вспомнил, что Каллистрат Иванович ещё только полгода в Петербурге и потому ещё не вполне усвоил смысл одеяния «более или менее приличного».

Я взял со стола семь копеек, надел пальто и вышел на улицу. Ночь стояла непривлекательная. На улицах валялся не то снег, не то грязь; ни тепло, ни холодно, но зато сырость так и пронизывала насквозь; несмотря на темноту, свет фонарей казался жалким, потому что ему приходилось освещать жалкую картину; продувал небольшой ветер, насквозь пропитанный какой-то неприятной влажностью, – всё это способно было до последней степени испортить настроение духа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.